

тельные результаты, уточняя их в отдельных моментах и продвигаясь дальше; я в дальнейшем, если силы мои окажутся еще не исчерпанными, буду, уже при опоре на его достижения, корректируя их в том, где смогу сделать шагок глубже, продвигаться вперед благодаря, не в последнюю очередь, сделанному им. В любом случае другие историки, в том числе следующего поколения, изучая Римскую республику, имеют возможность опереться на квалифицированно и добросовестно проделанный А.М. Сморгковым исследовательский труд.

Литература

1. Дементьева В.В. 1995: Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль.
2. Дементьева В.В. 2003: Римская чрезвычайная власть эпохи ранней Республики: историко-правовая модель // *Она же*. Децемвират в римской государственно-правовой системе середины V в. до н.э. М., 161–176.
3. Дементьева В.В. 2005: Магистратская власть Римской республики: содержание понятия *imperium* // ВДИ. 4, 46–75.
4. Дементьева В.В. 2010: Римская *civitas* республиканской эпохи // *Античный полис*. Курс лекций / В.В. Дементьева, И.Е. Суриков (отв. ред.). М., 149–156.
5. Сморгков А.М. 2012: Религия и власть в Римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М.

В.В. Дементьева,
доктор исторических наук, руководитель
Научно-образовательного центра антиковедения
Ярославского государственного университета

© 2013 г.

Seleucid Dissolution. The Sinking of the Anchor. Ed. by K. Erickson, G. Ramsey. (Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011). (Ser. Philippika 50). 209 p.

14–17 июля 2008 г. в Университете Эксетера состоялась научная конференция на тему «Упадок Селевкидов. Погружение якоря: распад и трансформация империи», которая была организована Дж. Рамси и К. Эриксоном. Главной темой конференции стал феномен упадка государства Селевкидов в контексте общего заката эллинистической цивилизации. Участниками конференции были рассмотрены различные аспекты истории поздних Селевкидов, суммированы основные историографические точки зрения и представлены некоторые новые оригинальные решения, наметившие дальнейшие перспективы развития данной темы. Материалы докладов, прочитанных на заседаниях, были положены в основу рецензируемого сборника статей*.

Основной идеей сборника является попытка ответить на один довольно сложный вопрос, поставленный главными редакторами издания Дж. Рамси и К. Эриксоном во вводном разделе «Погружение якоря» (с. 13–18). А именно: как столь крепкая и сильная система власти, как империя Селевкидов, могла разрушиться столь стремительно за два последних десятилетия своего существования. Этому феномену Дж. Рамси и К. Эриксон придают несколько поэтизированную окраску и сравнивают его со стремительным погружением якоря, используя при этом аллюзию на якорь как на символ власти династии Селевкидов.

Открывает сборник статья Д. Энджелса «“Феодализм” на среднем Востоке и закат Селевкидов» (с. 19–36). Автор представил весьма оригинальный взгляд на проблему упадка государства Селевкидов, связав его с так называемым процессом «феодализации», который был характерен для ближневосточных империй начиная с державы Ахеменидов и вплоть до Сасанидов. В данном контексте

* Автор выражает признательность доктору (PhD) отдела классической филологии и древней истории университета Эксетера (Великобритания) К. Эриксону за возможность ознакомиться с рецензируемой работой и помощь при написании рецензии.

под «феодализмом» исследователь предлагает понимать институциональную модель, состоящую из двух главных компонентов: центральной власти, которая имеет только ограниченные возможности контроля и влияния на местную администрацию, зачастую превратившуюся в наследственную и практически независимую и, сельского населения, которое постепенно становится буквальной собственностью местных землевладельцев (с. 20).

Д. Энджелс иллюстрирует свой подход несколькими примерами. В частности, он полагает, что такая формальная зависимость региональной власти от центральной проявлялась в существовании многочисленных локальных династий, кроме того, проводилась в жизнь особая политика Селевкидских царей, ориентированная на привлечение местных элит к региональному управлению. Схожая ситуация, по мнению автора, имела место и в отношениях центральной власти с полисами и сельскими общинами, которые также обладали определенной автономией. Общим выводом своей работы автор ставит вполне резонное, но, увы, не столь новое суждение – социальная и институциональная история Ближнего и Среднего Востока никак не зависела от смены правящих династий, а проходила в рамках долговременного процесса «феодализации»¹. Таким образом, и упадок государства Селевкидов может трактоваться как очередной этап этого явления.

Стоит отметить, что в своих рассуждениях Д. Энджелс полностью опускает две довольно важные социально-политические модели, определенно заслуживающие внимания при рассмотрении данного вопроса. Во-первых, теорию взаимоотношений между центральной властью и локальными элитами, получившую название «ethno-power games». В рамках данной концепции сотрудничество с местной знатью (включая предоставление ей доступа к управлению на всех уровнях) является частью государственной модели, характерной для ближневосточных империй, в том числе и для государства Селевкидов². Во-вторых, концепция «доминирующего этнокласса» П. Бриана, которая позволяет глубже понять отношения между центральной властью, элитами и покоренным населением³. Отчасти эти модели можно сопоставить с «феодализмом» Д. Энгелса на основании характерного для всех трех теорий принципа децентрализации власти или так называемого принципа «непрямого управления»⁴.

Статья Дж. Рамси «Администрация Селевкидов: результативность и дисфункция среди чиновников» (с. 37–49) посвящена одной из сложнейших проблем селевкидской истории – роли центральной администрации в процессе упадка державы. Автор подчеркивает особое место администрации в системе управления государством, характеризуя ее как основной связующий элемент между разрозненными общественно-политическими единицами (полис, этнос, династия, храм), из которых состояла держава Селевкидов. Между тем селевкидская администрация представляла собой строгую пирамиду власти, на вершине которой находилось царское окружение. Эта система, впрочем, строилась на принципах постоянной конкуренции между чиновниками за политическое влияние. При этом главной особенностью этого явления Дж. Рамси считает тот факт, что каждый из чиновников имел собственные интересы, зачастую пересекавшиеся с государственными. В целом, место чиновников в структуре власти можно определить, проследив то, какое влияние они оказывают на вышестоящие административные круги в случаях назначения новых чиновников.

В подтверждение своей теории исследовательница приводит несколько примеров, в том числе и эпизод с назначением Никанора – «друга» Антиоха III – верховным жрецом всех святилищ, расположенных «по ту сторону Тавра». Перед тем как принять решение о назначении, Антиох согласовывал его с самим Никанором, который настаивал именно на этой должности. В данном случае царь мог согласиться с желанием Никанора выбрать этот регион для успешного осуществления каких-либо замыслов, а Никанор, зная о состоянии дел в регионе, мог иметь собственные политические амбиции (с. 39).

Заслуживает внимания и тезис Дж. Рамси о том, что цари династии Селевкидов проявляли большую лояльность и гибкость при назначении на должности чиновников администрации, чем на военные посты. В качестве доказательства она приводит эпизод с отправкой Антиохом III второго-степенного полководца Ксеноета для подавления восстания Молона, в то время как более сильный военачальник, Эпиген, пал жертвой дворцовых интриг, спровоцированных приближенным царя Гермием (с. 40–41).

Важным аспектом конкуренции высших чиновников являлась борьба за территории. В данном вопросе Дж. Рамси обращается к событиям нескольких восстаний. Так, исследовательница пола-

¹ Эту мысль на протяжении нескольких десятилетий активно продвигает П. Бриан (1978; 1987; 1994; 1996; 2006).

² Ma 2005, 187.

³ Briant 1978; 1987; 1988; 1994.

⁴ Sommer 2000, 73–90.

гает, что действия Гермия во время восстания Молона можно расценивать как борьбу за азиатские сатрапии, в которую также мог вступить и полководец Эпиген. Однако ни мятеж Молона, ни козни Гермия не увенчались успехом. Примером успешного отделения от государства Селевкидов можно считать создание собственного государства селевкидским сатрапом Диодотом. Причиной этого стало своевременное создание сатрапом Диодотом сильной администрации.

Весьма убедительным кажется и предположение, что модель такой селевкидской административной дисфункции создал основатель государства – Селевк I (с. 45). Действительно, власть, которой он наделил высших региональных чиновников, могла подтолкнуть многих из них к проведению собственной политики. Но не стоит забывать, что в период раннего эллинизма ключевые посты занимали родственники царя, а также наиболее преданные приближенные. Тем не менее, нельзя согласиться с Рамси в том, что каждый из мятежных чиновников, будь то Диодот, Молон, Тимарх или Гермия, следовал примеру Селевка, который сам поднял восстание против власти Антигона Одноглазого. Стоит отметить, что процесс формирования раннеэллинистических монархий проходил по иному политическому и идеологическому сценарию и отличался от процесса создания более поздних эллинистических государств Ближнего Востока. Так, особое значение в период раннего эллинизма имело «право копья», ставшее позднее лишь формальным поводом для начала очередной военной кампании. Более того, в период распада государства Александра большую роль играли советы диахов в 323, 320, 311 годах до н.э., когда происходил территориальный раздел империи.

В статье «Аполлон-Набу: вавилонская политика Антиоха I» (с. 51–65) К. Эриксон ставит цель – пересмотреть укоренившееся в историографии мнение, высказанное Ж. Заль⁵, что Селевкиды не смогли создать ни одного монетного типа, иконография которого имела бы общий для всей державы религиозный мотив и поэтому ориентировались только на греческую часть населения. В связи с этим Ж. Заль считала, что появление локальных нединастических божеств на Селевкидских монетах является результатом утраты династией власти (с. 51).

Вопреки этому тезису автор полагает, что еще при Антиохе I была предпринята попытка создания «универсального» монетного изображения, которое было ориентировано как на греческое, так и на негреческое население. Речь идет о монетном типе «Аполлон, сидящий на омфале»⁶. Антиох, еще до того как стал царем, проявлял внимание к культу Аполлона, покровительствуя храму божества в Дидимах. Первые монеты с изображением Аполлона появились в период соправительства Антиоха и его отца Селевка. Аполлон мог ассоциироваться негреческим населением с различными местными божествами, наиболее значительными из которых были иранский Митра и вавилонский Набу. Именно на связи Аполлона и Набу фокусирует свое внимание К. Эриксон, мотивируя это той исключительной ролью, которую играла Вавилония при первых Селевкидах.

Проанализировав вавилонские хроники начала III в. до н.э., автор пришел к выводу, что Антиох, будучи сначала соправителем, а затем и самостоятельным царем, уделял особое внимание вавилонским храмам. Более того, он был хорошо знаком с местной культовой практикой и сам принимал участие в религиозных праздниках. Важнейшим документом, подчеркивающим связь Антиоха и Набу, является известный цилиндр из Борсиппы, заложенный в основание обновленного храма Набу. Из текста, размещенного на цилиндре, очевидно, что Антиох не просто принимал активное участие в религиозной жизни Вавилонии, но и отводил первостепенную роль Набу как божеству-покровителю царского дома.

В целом, в эллинистическом мире Набу был весьма популярным восточным божеством, а его отождествление с Аполлоном в греко-македонском мире не вызывает никаких сомнений. И сообщения древних авторов, например Страбона, и археологические находки свидетельствуют о крепких связях между этим двумя божествами. Более того, один из атрибутов Набу – длинный стилос – изображался на монетах Селевкидов как стрела Аполлона.

Нельзя не согласиться с общим выводом К. Эриксона, что случай с использованием Селевкидами образа Набу-Аполлона для легитимизации их власти в Вавилонии был весьма распространенной практикой в отношении других регионов. Возможно, такая идеологическая политика была ориентирована на местные элиты – в первую очередь на вавилонское жречество, что позволило Селевкидам постоянно пользоваться поддержкой с их стороны. Как считает исследователь, этим может объясняться и тот факт, что Вавилония на протяжении довольно долгого времени прочно входила в состав государства Селевкидов и отчаянно сопротивлялась вторжениям извне.

Взаимоотношения Антиоха IV и Иудеи посвящена статья «Антиох IV и его иудейские подданные: политическое, культурное и религиозное взаимодействие» (с. 67–83) Г. Апергиса, которая

⁵ Zahle 1990, 125–139.

⁶ К этому вопросу К. Эриксон уже обращался в своем диссертационном исследовании (2009, 109–121).

по сути представляет собой довольно заурядный обзор проблемы, уже долгое время находящейся в центре многочисленных дискуссий. Однако выбор темы, учитывая общую идею всего сборника, представляется логичным. В целом вся статья наполнена хорошо известными постулатами. Прежде всего, Г. Апергис отметил, что Иудея испытывала сильную эллинизацию, которая проводилась по инициативе некоторых первосвященников, преследовавших экономические интересы. Проанализировав иудейские источники, автор пришел к выводу, что основанный в Иерусалиме полис, ставший наглядным воплощением эллинизаторской политики первосвященника Ясона, имел ряд типологических особенностей. В частности, Г. Апергис обнаруживает исключительное сходство между Иерусалимом-Антиохией и самоуправляющейся греческой общиной Вавилона, основанной также при Антиохе IV⁷. Однако попытки Ясона «открыть» Иудею для эллинистического мира в конечном счете привели к серьезному религиозному противоречию и конфликту между двумя иудейскими кланами – «традиционалистов» и «эллинистов».

Автор справедливо констатирует, что египетские походы Антиоха IV обернулись для Иудеи катастрофой: сокровища Храма были конфискованы за долги первосвященника Менелая. Однако «отграбление Храма» имело исключительно политические и экономические предпосылки. Более того, Г. Апергис полагает, что осквернение Храма не было волеизъявлением царя, как это показано в иудейских источниках, а скорее инициативой солдат греческого гарнизона (Акры), расположенного в Иерусалиме (с. 71). Особое внимание Апергис уделяет вопросу «модернизации» иудаизма, которую он, вслед за Э. Бикерманом, считает результатом деятельности группы «традиционалистов». Развивая эту мысль, исследователь подчеркнул, что сообщения иудейских источников не противоречат идее построения нового типа иудаизма, исключавшего любые различия между иудеями и неиудеями посредством ликвидации некоторых обрядовых особенностей (почитание субботы, обрезание, запрет на употребление в пищу «нечистых» животных и т.д.).

Нельзя утверждать, что представленная статья вносит что-то принципиально новое в дискуссию о политике Антиоха IV в Иудее. Пожалуй, единственным оригинальным суждением автора является, к сожалению, краткое, но весьма меткое замечание, что для ликвидации восстания в Иудее Антиох IV мог использовать не только военные методы, но и религиозные. Таким образом, «модернизация» иудаизма могла быть одним из элементов его иудейской политики. Однако дальнейшего развития в рамках представленной работы эта идея не получила, однако, думается, она заслуживает более тщательного рассмотрения.

А. Чошкун в статье «Галаты и Селевкиды: сто лет конфликта и сотрудничества» (с. 85–106) проанализировал некоторые аспекты взаимоотношений сирийских царей с племенами галатов в III в. до н.э. Центральное место в работе занимает анализ событий, связанных со знаменитой «битвой слонов», в которой Антиох I разбил войска галатов, вторгшихся в Малую Азию из Европы. Сам автор открыто заявляет о необходимости «развеевть миф, образовавшийся вокруг» этого события. Прежде всего, он обратил внимание на некорректность употребления термина «галаты» применительно к говорящему по-кельтски населению Центральной Анатолии, так как кельтские племена этого региона не представляли собой этническое единство. Рассмотрев обстоятельства вторжения галатов в Малую Азию и проанализировав свидетельства источников, автор провел критический анализ основных историографических точек зрения. Непосредственно датой сражения автор считает 276–275 гг. до н.э. Более того, А. Чошкун предположил, что итоги победы Антиоха были сильно преувеличены селевкидской пропагандой. Между тем галаты, несмотря на поражение в битве, оставались серьезной угрозой (с. 92).

Проанализировав сложную политическую ситуацию, сложившуюся в Малой Азии после 281 г. до н.э., А. Чошкун обратил внимание на следующие обстоятельства. Борьба Антиоха I против «Северной лиги» фактически закончилась для сирийского царя неудачей. Находясь в сложной ситуации, грозившей молодому правителю потерей большей части его малоазийских владений, Антиох прибег к дипломатии. Он сумел заручиться поддержкой Митридата Понтийского и тектосагов. Но главное, Антиох сумел обезопасить основных союзников на западе Малой Азии: ионийские и эолийские полисы (с. 92–95). Автор осветил и основные внешнеполитические события III в. до н.э., в которых принимали участие галаты. На протяжении III века до н.э. галаты постоянно участвовали в военных кампаниях различных государств Малой Азии, при этом принципиально не придерживались определенной стороны. Галаты играли важную роль в становлении власти Антиоха Гиеракса, а также были задействованы в войнах между Селевкидами и Атталидами. Между тем галатское общество находилось под сильным политическим и культурным влиянием соседних государств, что привело к эллинизации его элит. Одним из последствий этого влияния можно считать галатское наемничество. Уже в войске Антиоха III галаты-наемники занимали постоянное место. Однако, как

⁷ Впрочем, такое сравнение уже проводилось. См. Boiy 2004, 220–225.

справедливо подчеркнул А. Чошкун, несмотря на это, галаты Анатолии сохранили независимость и государственность.

Анализу делосской надписи посвящена статья К. Гицэ «Ниса – селевкидская принцесса в анатолийском контексте» (с. 107–116). Надпись представляет собой афинский декрет о предоставлении почестей понтийскому царю Фарнаку и его молодой жене Нисе, дочери Антиоха и Лаодики (OGIS 771). Необходимо отметить, что в историографии этот памятник уже не раз был детально исследован, однако автор статьи предпринял еще одну попытку его интерпретации. Прежде всего, К. Гицэ обращается к вопросу датировки надписи. Рассмотрев различные точки зрения на этот вопрос, исследователь считает, что наиболее вероятным временем создания надписи является 160 год до н.э. Автор сделал ряд существенных замечаний. Во-первых, он подчеркивает эвергетизм предков Фарнака и Нисы в отношении Афинян. Во-вторых, финансовые трудности царя Понта, упомянутые в тексте, автор склонен считать издержками войны с Пергамом. В-третьих, поставив вопрос о происхождении царицы Нисы, К. Гицэ обоснованно доказал, что она была дочерью царя Антиоха IV (с. 112).

Брак Фарнака и Нисы автор рассматривает в контексте политической традиции, сложившейся со времен царя Митридата II и, подразумевающей прочные династические связи между Митридатидами и Селевкидами. К. Гита считает, что связь с Митридатидами имела для Селевкидов не только важное политическое значение, но была продиктована рядом идеологических причин, среди которых – желание сирийских царей позиционировать себя наследниками и преемниками Ахеменидов, к которым цари Понта возводили свое происхождение.

К. Гицэ рассмотрел также политический контекст появления надписи. Кратко охарактеризовав политическую позицию каждого из малоазийских государств в отношении Рима, он пришел к выводу, что Ниса – царица селевкидского происхождения – могла быть использована молодым и деятельным царем государства Селевкидов Деметрием I в политических целях. К. Гицэ сделал аккуратное предположение, что сотруничество Деметрия с Понтом могло быть направлено против Пергама, но утверждать это с абсолютной уверенностью нельзя, так как реакция Рима на возможность этого союза неизвестна (с. 115).

В статье «Последние дни одного Селевкидского города: Джебель Халид на Евфрате и его храм» (с. 117–132) Н. Райт отметил результаты более чем 20-летней работы экспедиции Австралийского национального университета на поселении Джебель Халид в Сирии, и, в частности, исследование крупнейшего храмового сооружения этого памятника. Н. Райт выделил три основных этапа существования Джебель Халида. *Первый* – конец IV в. до н.э. – середина II в. до н.э. Исходя из анализа находок монет и фрагментов керамики Н. Райт утверждает, что поселение было основано при Селевке I как военная колония. Военный характер подчеркивает наличие внушительных фортификационных сооружений. Колония имела важное стратегическое значение и, по всей видимости, охраняла торговый путь, проходивший по Евфрату. *Второй* период – середина II в. до н.э. – ок. 74 г. до н.э. – время расцвета поселения. В связи с активизацией парфян Джебель Халид стал крупным пограничным форпостом на Евфрате. Многочисленные находки монет свидетельствуют о его активной торговой деятельности. Однако неожиданно в середине 70-х годов I в. до н.э. поселение было разрушено и заброшено. Н. Райт весьма убедительно связывает это с внешнеполитической активностью армянского царя Тиграна Великого, который в это время начал экспансию в Сирию (с. 128). В запустении Джебель Халида исследователь видит результат массовых переселений, предпринятых Тиگرانом для строительства новой столицы Армении – Тигранакерта. *Третий* этап Н. Райт называет «суб-эллинистическим», чтобы обозначить период перехода от государства Селевкидов к римской провинции Сирия (с. 121). В это время поселение утрачивает свое прежнее значение и стихийно заселяется скотоводами. Как считает автор, после осады Тигранакерта Лукуллом в 69 г. до н.э. жители Джебель Халида получили возможность вернуться домой. Возможно, именно они и населяли город в данный период. В последующие столетия поселение подверглось медленному вымиранию, главным образом, вследствие утраты своего экономического и политического значения.

Центральное место в Джебель Халиде на всем протяжении его существования занимало крупное храмовое сооружение. Периодизация истории храма совпадает с историей поселения. Храм был построен в амфипростиле с шестью колоннами с западной и восточной стороны. Фасад храма выполнен в псевдодорийском стиле. Стоит отметить, что в целом в архитектуре храма присутствуют элементы сильного месопотамского влияния. Н. Райт обнаруживает некоторые параллели в планировке наоса этого храма и культовых сооружений Дура-Эвропос и Ай-Ханума (с. 122). На территории рядом с храмом были обнаружены многочисленные фрагменты культовых статуэток, выполненных из мрамора. Характер исполнения этих фигурок также позволяет соотнести их с подобными находками из поселения Ай-Ханум. По всей видимости, в храме часто проводились жертвоприношения, о чем свидетельствуют найденные фрагменты костей животных. Специальная дренажная система, сооруженная в храме, является доказательством того, что частью ритуала были обильные возлияния. По

заклучению Н. Райта, храм Джебел Халида мог быть посвящен культу Зевса-Адада и Геры-Атаргатыды, который был весьма распространен в Сирии и особо почитался в расположенном неподалеку Гиераполисе-Бамбике (с. 127–128).

Археологии Джебел Халида посвящена и статья Х. Джаксон «Жилой квартал позднеселевкидского времени в Джебель Халиде в Северной Сирии: археологические свидетельства о хронологии и образе жизни» (с. 133–148). Автор поставила двойную задачу: проследить архитектурную эволюцию некоторых жилых помещений так называемого «обитаемого острова» – жилого квартала на южном склоне Акрополя, а также рассмотреть образ жизни и быт жителей позднеэллинистического времени. Х. Джаксон отметила, что данный район был населен городской элитой, возможно, командующим составом гарнизона колонии. Дома, построенные из известняка местных пород, представляли собой внушительного размера сооружения. Анализ стратиграфии позволил Х. Джаксон четко выделить три периода истории квартала. *Период А* – это время постройки первых зданий и стен. Особенностью данного района, как собственно и всего Джебель Халида, является тот факт, что военная колония, основанная здесь в конце IV в. до н.э., была воздвигнута ex nihilo. *Период В* (середина II в. до н.э.) – эпоха расцвета колонии и «обитаемого острова». *Период В+* (I в. до н.э.) – неожиданное запустение города. Квартал был заброшен на короткий период времени, а затем вновь заселен, но сильно перестроен. При этом наблюдается существенная деградация архитектуры построек.

Составленную хронологию Х. Джаксон иллюстрирует довольно ярким примером, обращаясь к материалам раскопок одного жилого помещения, условно названного «домом с расписным фризом» (с. 136–139). Этот дом – одно из самых значительных строений квартала – был заселен семьями высшего командного состава. Изменения планировки главной комнаты дома между периодами *А* и *В* выглядят незначительными, связанными, главным образом, со сменой хозяйственных функций помещений. Период *В* отличается лишь новизной роскошного внутреннего убранства, сопоставляемого автором статьи с аналогичными примерами интерьера того же времени жилых домов Делоса. Однако планировка периода *В+* сильно отличается от предшествующих двух этапов. В это время структура главной комнаты претерпела кардинальные изменения, связанные как с перестройкой некоторых помещений, так и с разрушением отдельных конструкций. В итоге весь дом был разделен на мелкие комнаты, в каждой из которых появились собственные печи, ямы и погребя, что свидетельствует о его заселении сразу несколькими семьями.

Проанализировав основные находки из слоя периода *В+*, Х. Джаксон отметила, что уровень жизни и быт жителей второй четверти I в. до н.э. также демонстрируют сильную деградацию поселения. Среди находок периода *В+* встречаются в основном фрагменты достаточно примитивной керамики местного производства, импортная керамика и монеты практически отсутствуют. Это свидетельствует о том, что Джебель Халид был на некоторое время оставлен жителями, а впоследствии вновь заселен, но, как кажется, с уже преобладающей долей местного, негреческого населения.

Д. Огден посвятил свою статью «Миф об основании династии Селевкидов: Селевкия в Пиерии и Антиохия» (с. 149–160) проблемам царской идеологии Селевкидов. Автор выделил существование в системе царской пропаганды так называемых «мифов об основании династии», затрагивающих два основных эпизода: во-первых, обстоятельства рождения основателя династии и, во-вторых, связь между основателем династии и той территорией, которую он и его наследники получили в управление. Д. Огден обращает внимание на второй вариант этих мифов, ограничиваясь сюжетом об основании Селевком I Антиохии на Оронте и Селевкии в Пиерии.

Рассмотрев свидетельства нарративных источников, автор сделал ряд весьма ценных наблюдений. Безусловно, все легенды об основании Антиохии и Селевкии подчеркивают связь Селевка с Зевсом. В источниках рассказывается о пророчестве Зевса при основании этих городов. Однако упомянутые в рассказах символы Зевса – орел и молния – могут быть связаны непосредственно с Александром и Аргеадами в целом. Д. Огден приводит ряд параллелей использования этих символов Аргеадов диадохами. Так, исследователь подчеркивает заимствование этих символов Птолемеем Сотером, который использовал их для монетных изображений. Более того, в легенде о рождении самого Птолемея также присутствует образ Зевса-орла, а один из сыновей Птолемея I, также Птолемей, получил даже прозвище Керавн («Молния») (с. 152 сл.). Связь с домом Аргеадов, как считает Огден, неизбежно привела к связи Селевкидов с Гераклом.

Особое значение в «мифах об основании династии» имела река, соединяющая два города, – Оронт. По легенде, сохранившейся у Страбона, русло Оронта было создано Зевсом, когда тот метал молнии в убегающего змея Трифона. Основав город именно на этой реке, которая первоначально называлась именно Трифон, Селевк как бы следовал примеру Зевса, символически укрощая змея. В другом варианте этой легенды Трифон преследовал Персей. Д. Огден обращает особое внимание на символическую связь Селевкидов с Персеем, которая, по справедливому замечанию автора, имела большое идеологическое значение, так как в данном случае Персей выступает как прародитель всех

персов. Селевк I, как, впрочем, и другие диадохи, чеканил монеты с изображением головы Горгоны Медузы. По сообщению Иоанна Малалы, рядом с Антиохией располагалось святилище, основанное некогда самим Персеем. Павсаний из Антиохии свидетельствует, что Персей, после того как убил Трифона, основал «храм бессмертного огня», что соответствует персидским зороастрийским огненным культам (с. 157). Д. Огден отметил, что связь Селевка с Персеем, а также с наследием Ахеменидов в целом могла осуществляться через его жену Апаму, которая была уроженкой знатного персидского рода.

Статья П. Чеккарелли «Цари, философы и пьяницы: Афиней о Селевкидах» (с. 161–179) посвящена анализу упоминаний сирийских царей в сочинении Афиней. Как отметила автор, все сохранившиеся в тексте Афиней сообщения о Селевкидах могут быть разделены на две группы: имеющие и не имеющие отсылку на конкретный источник. Среди тех фрагментов, которые снабжены такой отсылкой Афинеем, наиболее часто цитируются три автора: Филарх, Полибий и Посидоний. Проанализировав эти отрывки, П. Чеккарелли пришла к выводу, что, скорее всего, все они взяты из уже существовавшего произведения, которым может быть упомянутый в V книге труд самого Афиней «О царях Сирии». Однако кроме Филарха, Полибия и Посидония Афиней цитирует и пересказывает большое число других авторов, чья информация о Селевкидах известна только из сочинения самого Афиней.

Обращаясь к сообщениям, в которых не указан источник, автор подробно останавливается на двух отрывках. Первый из них – это рассказ об Александре Бала и эпикурейце Диогене (Athen. V. 211. a–d), второй – письмо царя Антиоха к Фанию по поводу высылки философов (Athen. XII. 547 a–b). Рассмотрев исторический контекст описываемых событий и сделав попытку установить источник этих отрывков, П. Чеккарелли пришла к выводу, что в данном случае Афиней использует литературный прием, который условно можно назвать «сменой ролей» – намеренное смешивание персонажей и смещении хронологии.

В целом работа П. Чеккарелли представляет собой весьма оригинальный подход к источнику. Однако стоит отметить, что анализ образа Селевкидов, переданный Афинеем, остался, к сожалению, за рамками данной работы. Автор отмечает лишь, что выбор отрывков, где упоминаются Селевкиды, был продиктован характером произведения и поэтому сильно искажает действительность, а историчность некоторых примеров, приведенных без отсылки на источник, вообще вызывает у П. Чеккарелли сомнение. Между тем рассмотрение данной проблемы, как кажется, могло бы значительно дополнить статью.

Целью работы Дж. Энджелса «Посидоний Апамейский и Страбон из Амасии о закате государства Селевкидов» (с. 181–194) стало исследование феномена заката государства Селевкидов в сочинениях двух географов: Посидония и Страбона. Как справедливо отметил автор, Страбон и Посидоний, будучи современниками последних Селевкидов, не могли оставить без внимания столь значимое событие.

Историческая позиция Посидония из Апамси в Сирии была продиктована в первую очередь его стоическими идеалами. Как считает исследователь, Посидоний, который продолжил писать историю после Полибия, представил полную картину нарастающей дестабилизации государства Селевкидов. Он весьма скептически относился к династической линии Селевка IV и, наоборот, открыто симпатизировал наследникам Антиоха IV. Главной же причиной упадка государства историк из Апамси считал излишнюю роскошь династии. Однако плохая информативность сохранившихся фрагментов сочинений Посидония не позволяет целостно реконструировать его историческую концепцию. И тем не менее Дж. Энджелс выдвинул малоубедительную идею, которая является скорее влиянием современной историографии, а именно – что Посидоний мог рассматривать политическую, религиозную и культурную гетерогенность государства Селевкидов как одну из причин его падения (с. 185).

Обращаясь к сочинениям Страбона, автор отметил также большое значение этого источника. Страбон при описании поздних Селевкидов использовал не только работу своего учителя – Посидония, но и труды других авторов. Однако влияние исторической концепции Посидония на труд Страбона оставалось слишком сильным. Вслед за Посидонием Страбон видит главной причиной падения государства Селевкидов внутридинастические распри, между тем не исключая и внешний фактор. Поворотным моментом в истории державы Страбон считает мятеж Диодота Трифона, после которого династия Селевкидов так и не сумела восстановить свое бывшее могущество.

Заслуживает особого внимания замечание Дж. Энджелса о том, что и Посидоний и Страбон среди причин падения государства Селевкидов не называют римскую экспансию в Восточное Средиземноморье. По всей видимости, пропустить этот фактор падения всех малоазийских эллинистических монархий оба автора не могли. Однако умалчивание этого факта (явно намеренное) остается предметом для дальнейших дискуссий.

В качестве приложения к сборнику иранским исследователем З. Басери опубликован краткий каталог селевкидских монет из собрания Национального музея Ирана (с. 195–201).

Примечательно, что, кроме рецензируемой работы, в 2011 г. вышел сборник статей «New Studies on the Seleucids»⁸, посвященный истории государства Селевкидов, и их сравнение, безусловно, напрашивается само собой. В целом издание этих трудов – результат плодотворного сотрудничества исследователей, объединившего различные международные научные центры. Можно отметить, что в науке об античности вновь наблюдается оживление интереса к государству Селевкидов. Однако слабой стороной обоих сборников является отсутствие общей концептуальности. Нисколько не умаляя качества статей, вошедших в вышеупомянутый сборник, все же позволим себе весьма субъективное суждение, что сборник «Seleucid Dissolution» более структурирован и лучше проработан, поскольку имеет общую для всех статей тематику. Однако справедливости ради заметим, что, несмотря на высокий уровень статей «Seleucid Dissolution», почти половина из них затрагивает проблему заката Селевкидов лишь отчасти.

Тем не менее, подводя итоги, необходимо учитывать, что рецензируемый сборник статей является первым в историографии коллективным опытом работы над проблемой упадка государства Селевкидов. В целом тема, выбранная организаторами конференции и издателями сборника, весьма перспективна по нескольким причинам. Во-первых, последние археологические открытия позволяют по-новому взглянуть на процесс заката Селевкидов, а во-вторых, слабо разработанная в историографии, эта проблема требует теоретического обобщения. Безусловно, рецензируемый сборник не ставит точку в дискуссии вокруг феномена падения государства Селевкидов, но его определенно можно считать вехой в истории его изучения.

Литература

1. *Смирнов С.В.* 2012: Рец.: New Studies on the Seleucids / Ed. by E. Dąbrowa. Electrum. Vol. 18. Kraków, 2011 // ВДИ. 4, 177–184.
2. *Boiy T.* 2004: Late Achaemenid and Hellenistic Babylon. Leuven.
3. *Briant P.* 1978: Colonisation hellénistique et population indigènes I // Klio. 60, 57–92.
4. *Briant P.* 1987: Pouvoir central et polycentrisme culturel dans l'empire Achéménide // AchHist. I, 1–31.
5. *Briant P.* 1988: Ethno-classe dominante et populations soumises dans l'Empire achéménide: le cas de l'Égypte // AchHist. III, 137–173.
6. *Briant P.* 1994: De Samarkand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens // TOPOI. Vol. 4/2, 455–467.
7. *Briant P.* 1996: Histoire de l'empire Perse. P.
8. *Briant P.* 2006: L' économie royale entre privé et public // Approches de l'économie hellénistique / R. Descat (ed.). P., 339–354.
9. *Erickson K.* 2009: The Early Seleucids, their Gods and their Coins. A Thesis for the degree of Doctor of Philosophy in Classics and Ancient History. Exeter.
10. *Ma J.* 2005: Kings // A Companion to the Hellenistic World / A. Erskine (ed.). Oxf.
11. New Studies... 2011: New Studies on the Seleucids / E. Dąbrowa (ed.) // Electrum. Vol. 18. Kraków.
12. *Sommer M.* 2000: Babylonien im Seleukidenreich: Indirekte Herreschaft und indigene Bevölkerung // Klio. 1, 73–90.
13. *Zahle J.* 1990: Religious Motifs on Seleucid Coins // SHC. Vol. I. Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom. 125–139.

С.В. Смирнов,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

⁸ New Studies... 2011. См. рец.: Смирнов 2012.